

не было ничего нового: подсудимой предписывалось подчиниться церкви, изменить костюм и обрить голову. Все это умещалось в шести коротких строчках.

Жанна выразила желание подписать бумагу. Среди общего шума и криков девушка не заметила, что секретарь Винчестера подsunул ей другой документ, состоявший из нескольких страниц.

Не умея писать, она поставила большой завиток. Тогда секретарь взял ее руку и начертил крест. Жанна улыбнулась.

— Смотри, — заметил один англичанин своему соседу, — ведьма насмехается над нами.

Тотчас же епископ Кошон вынул из кармана второй заранее приготовленный свиток. В этот день все было заранее подготовлено.

То был приговор, рассчитанный на отречение еретики. Он гласил:

«...Хотя ты и тяжело согрешила по отношению к богу и святой церкви, мы, судьи, учитывая твое добровольное покаяние, милосердно смягчаем приговор и осуждаем тебя окончательно и бесповоротно на вечное заключение, чтобы ты, оплакивая свои грехи, провела остаток дней своих в тюрьме, на воде скорби и хлебе горести...»

Воистину милосердие церкви было беспредельным...

Жанна продолжала машинально улыбаться. В этот момент ей все казалось безразличным. Она ждала только, чтобы ее отправили в церковную тюрьму, подальше от жестоких годонов.

Каковы же были ее удивление и ужас, когда она услышала громкое приказание епископа:

— Доставьте осужденную туда же, откуда ее привели!

Если бы монсеньер Кошон и хотел поместить девушку в церковную тюрьму, он не мог этого сделать: по договору с Винчестером ее должны были «вернуть» англичанам.